

Избранные главы из романов

Глава из романа "Ватник"

Я родилась еще до первой империалистической войны. Отец мой бывший хагеул, а мать всю жизнь куролесила, и не знала покоя. Помимо меня, старухи, в семье нашей были еще всякие мои сестры и братья, но я их уже толком не помню. Мелькают в уме моем только чьи-то косы и ноги в сапогах, и звон хрустальных бокалов мелькает по углам красиво и торжественно, вперемежку с косами и сапогами. А вот одного моего брата я помню хорошо. Он был адмиралом, но потерял фуражку, и его разжаловали в рядовые. Он прекрасно играл на музыкальном инструменте... черном таком... ах да! вспомнила — на штуцермане. Хотя нет, Штуцерман это был мой первый муж. От него я родила тоже штуцермана. Такой игривый был мальчуган — волосики беленькие, ножки розовенькие, и писька всегда у него колышком торчала. Все детство торчала.

А второй мой муж был герой. Как сейчас помню — вошел он тогда с белыми хризантемами, стал на пороге и сказал: "Мадам, позвольте эти цветы вам в знак любви...". Он тогда не договорил, упал у моих ног и умер. У него оказалось простреленное сердце.

А третий мой муж, секретарь, однажды летом так отодрал меня на балконе у подружки моей Зюечки Кондаковой, прямо при гуляющем народе, который по улице гулял и видел все, и нам все аплодировали, и все мы были счастливы. Я стояла вот в такой позе, держалась руками за перила, а он сзади, и стал драть меня с таким восхищением, с таким восторгом, что я стала кричать, и все мы были счастливы. Потом он так же на балконе отодрал мою подружку Зюечку Кондакову, и она тоже кричала, и все кричали, а он драл и драл ее без перерыва, наверное, целый час. Потом он отодрал еще кого-то, я уже не помню кого, а потом меня снова стал драть, и я уже просто теряла сознание от экстаза. О, это было великолепно! Я хочу, чтоб об этом знали все. Все люди нашего города. Я так люблю наш город!

У моего брата адмирала были большие заслуги перед отечеством. А мать куролесила. У нее никаких заслуг не было. Зато она лично была знакома с самим... этим самым... ну, как же его звали... он еще в гражданскую саблею отрубил голову самому Керенскому... хотя нет, это Керенский отрубил ему голову и продал потом ее французам. Так вот, она лич-

но была знакома с его головой и даже кормила ее с ложечки, когда та простудилась.

— Ну, все! Хватит! Хватит мне здесь сказки рассказывать! — старший следователь, капитан Николай Георгиевич Носов, хлопнул ладонью по столу и добавил: — Я хочу знать правду. Прав-ду! — со слогом *ду* он еще раз хлопнул ладонью по столу, и на несколько секунд в кабинете повисла тишина. "Мертвая", как говорят в детективных романах.

— Срать я хотела на вашу правду, — произнесла старуха и закашлялась.

Капитан налил из графина стакан воды и поставил его перед старухой. Та с жадностью выпила воду, отерла губы рукавом кофты и спросила:

— Я могу продолжать?

— Продолжайте, — разрешил следователь.

— Во время гражданской войны я бросила свое молодое тело солдатам. Помню, у одного солдата борода росла прямо из-под глаз и из носа. Мне кажется, что он был крестьянин. От него пахло стружками. Потом, когда его убили революционные матросы, то в кармане его шинели я нашла маленький сухарик и съела его. Матросы драли меня по очереди. С каким-то таким революционным остервенением, с пафосом. А потом, когда приехал броневик, и на него вылез Ленин, они прекратили меня драть и стали слушать речь. Ленин тогда сказал, что Керенскому нужно саблей отрубить голову и продать ее французам, а вырученные деньги пустить на развитие революции. Матросы принялись подбрасывать Ленина на руках, и у него из кармана высыпалась мелочь. Я потом подобрала ее, но одна из монеток оказалась золотой, и Ленин тут же забрал ее у меня. Ленина я запомнила очень хорошо. Он был в ботинках и в очках, хотя видел вдаль на пять километров.

— Хватит мне вешать лапшу на уши! — закричал капитан и нажал потаенную кнопку под крышкой стола.

В кабинет вошел дежурный по отделению младший сержант Ковалев.

— Увести, — сказал ему Николай Георгиевич и отвернулся к окну.

— Встать! — глухо произнес Ковалев над ухом старухи, и та вздрогнула.

— У нас в доме всегда было очень много столового серебра. Ложки, вилки, подстаканники, вазы для фруктов. Ленин часто заходил к нам обедать, но ел всегда руками, не пользуясь ни ложкой, ни вилкой, ни столовым ножом. "Владимир Ильич, — говорила ему мать, — да возьмите же

ложку, ложкой же удобнее щи хлебать". А он ей отвечал: "Заткнись, мать!". И все вокруг начинали хохотать и хлопать в ладоши, а Ленин продолжал шутить и шалить дальше. Еще дальше. И еще. Пока всем не надоело.

Тогда старшая моя сестра Люся садилась за пианино, и вся комната заполнялась чарующими звуками. Клавиша си бемоль второй октавы западала, но никто этого не замечал. Кроме Ленина. Ленин замечал все. Бывало, муха в воздухе летает-летает, а потом вдруг сядет на картину. А Ленин уже заметил ее действие. Но никому ничего не говорит. Только так красиво как-то провернет ладошкой в воздухе и многозначительно молчит. Или бок чешет. Или шею. Или щеку ногтями шкрябает. И звук от этого шкрябанья такой неприятный в воздухе стоит, что прямо хоть из квартиры беги. "Перестаньте шкрябаться, Владимир Ильич", — бывало, говорит мать. А Ленин назло ей еще яростнее революцию на щеке раздувает. Шкрябает, только свист стоит...

...и тут старший следователь Носов проснулся. Быстренько принял холодный душ, быстренько выпил чашку молока. Подпрыгнул на месте несколько раз. Присел, потом снова подпрыгнул и обиделся непонятно на кого.

Старуха седела в камере уже вторую неделю. Ей шили дело. А пришить не могли. Старуха уперлась, стояла на своем, все отрицала. Никакой зацепки у Носова не было. Но тут, как говорится, нашла коса на камень.

Глава из романа "Кадриль"

Гололед выдался такой скользкий, что скользило по улице все, будто бы ее намазали мылом. Студент Шор протер очки носовым платком и упал, поскользнувшись на гололеде. Но тут же вскочил, делая вид, что с ним ничего не случилось.

Навстречу ему шли две барышни и, завидев положение Шора, скромно хихикнули. И тут одна из них поскользнулась, и не упала только потому, что инстинктивно ухватилась за рукав Шоровой шинели и устояла на ногах.

— Извините, до гробовой доски не забуду, как все это произошло! — воскликнула она.

— И я не забуду! — воскликнул Шор. — Позвольте представиться, студент Шор! — воскликнул Шор.

Вот так он и познакомились с Полиной. Когда дело дошло до первого поцелуя, то Шор понял — нужно целовать сейчас или никогда.

— Целуйте, — затаенным шепотом произнесла Полина.

Шор облизал языком пересохшие губы, вытянул их трубочкой и прилизил эту трубочку к лицу Полины. Та вздрогнула ненароком. Шор тыкнул трубочкой Полине в глаз, и та стала поправлять направление поцелуя вниз, потом вправо, потом еще куда-то в сторону. И потом уже и сам Шор растерялся и вдруг заплакал навзрыд от избытка чувств, а Полина почему-то подумала, что он порченный. Возможно, какой-то непонятной болезнью, — и все ему простила.

Глава из романа "Голый голос"

Потерять легче, чем найти. Всю связку ключей потеряла она в снегу. И от парадного, и от двери от нижнего замка, и верхнего от кладовки от шкафа, и маленький ключик от собственного сердца. Это, конечно же, шутка. Ключик от сердца потерять невозможно, потому что он находится в самом сердце.

Так сказал писатель Андерсен, а писатель Гофман плюнул ему за это на шуртук и обозвал павлином.

Она стала на пороге дома и, чувствуя, что сейчас заплачет, горько разрыдалась. Писатель Андерсен стер плевки Гофмана большим клетчатый платком и приятным ласковым голосом спросил, почему она плачет. Она узнала его и припала к его груди, и рассказала о своем горе. "Только весной, когда растает снег, можно будет отыскать потерю", — сказал он ей, успокаивая ее. "Но мне же надо войти в дом, открыть дверь, открыть кладовочку и шкафчик. Ведь я же хочу есть, хочу пить, хочу спать..."

...и тут старший следователь открыл глаза. "Фу, какая херня снится, — подумал он. — Если рассказать кому в управлении, то подумают, что впал в маразм. А может быть, я и на самом деле впал в маразм?" От этой мысли мурашки побежали по спине Николая Георгиевича, и он закашлялся. Откашлявшись, посмотрел в окно, увидел пробежавшую по улице бездомную собаку, потер ладонью лоб и нащупал на лбу болезненное место. Болезненным местом оказался небольшой прыщик величиной с ячменное зерно, выросший за ночь, как-то незаметно и фальшиво.

"Джон ячменное зерно, — почему-то промелькнула в уме строчка из произведения писателя Гофмана. — Но и в воде не тонет Джон ячменное зерно... и с ними заодно", — выдал ум следователя еще одну хреновень. "Какая херня", — застонал он и еще раз закашлялся...

...а на дворе уже стояла весна. Цвели сады и пели лошади. Запах одеколна "Шипр" висел у парикмахерской за углом. За углом у булочной

спал на земле пьяный. Из его штанов вытекла лужа и как могла украсила окрестный пейзаж своим присутствием.

Она нашла все свои ключи, когда растаял снег. Но они оказались ей уже без надобности, потому что так случилось. Ведь все замки пришлось выковыривать и вставлять новые. А к новым замкам старые ключи, как известно, не подходят.

"К новым замкам старые ключи не подходят", — записал к себе в записную книжечку — мысль — писатель Гофман, в надежде использовать ее в каком-нибудь своем произведении...

...следователь проснулся еще раз и, вставши с левой ноги, стал бриться. Конечно же, порезался. Отрезал себе кусок ноздри, а потом закашлялся. На работу пришел как огурчик бодрый, выспавшийся, красивый, как молодой матрос. А насчет ноздри автор немножко пошутил, потому что жить без хорошей шутки и скучно, и подозрительно. Идя в гости, заготовь по дороге несколько хороших шуток. Произнесешь их в гостях — и всем поднимешь упавшее настроение. А сам прослывешь человеком веселым, но недоразвитым. Так что выбирай свой путь в жизни так, чтоб было удобно, как в разношенном ботинке. Ноге удобно.

Глава из романа "Воробей"

Жизнь без слез. Жизнь без страданий. Она этого хотела. Но не могла добиться. Слезы и страдания волочились за ней, как волочится мусор за длинным платьем невесты, волочащимся своим хвостом по земле. Что за идиотское сравнение. Сравнение как сравнение. Другого не родилось. Родилось это. И пускай будет это.

Она много плакала. Порой даже рыдала. Просто так. Беспричинно. Но при этом вспоминая всякие фамилии на букву М. Матюхин шел за Манукяном, а Михоев сам по себе шел. Полное сумасшествие. Или же откорье. Она не могла понять. И винить было некого. Скорее всего, начинался обычный психоз Ю. Психопатия. Она осознавала, что психопатка. Но уже потом. Когда спало. Когда Ю, а потом постепенно... нежно так, не торопясь... наслаждаясь. Ю, ю...

Юг. Юг сам по себе красив и прекрасен. Степь. Море. Базар...

Она выстрелила ему почему-то прямо в лоб, но пуля оказалась старой и кость не пробила. Но напугала его сильно. Да и сама она перепугалась, как лесная лань неожиданного звука. Она отскочила в сторону. Швырнула свой дамский однозарядный пистолет в распахнутое окно и бросилась

в его объятья. Еще не придя в себя, он схватил ее и поволок на кухню пить чай с пряниками и вишневым вареньем. На кухне она обварила себе палец кипятком, перевернула чашку с чаем и громко, как ломовая лошадь, — пукнула.

Да, бывает так в жизни и в литературе, что герои наших романов не только страдают от душевных ран, но еще и пукают когда надо и не надо. Конечно же, без этой глупой детали можно было бы и обойтись, но тогда картина была бы неполной.

